

Васильев Дмитрий Валентинович

КАЛМЫЦКОЕ ХАНСТВО В АДМИНИСТРАТИВНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (СЕРЕДИНА XVIII - СЕРЕДИНА XIX В.)

В статье рассмотрен завершающий этап формирования административной системы в Волжской Калмыкии. На основе анализа законодательства Российской империи прослежена динамика трансформации традиционных институтов калмыцкого управления. Отмечено влияние главной краевой администрации на региональную политику имперского правительства. Показаны процессы социальной и административно-политической ассимиляции региона, создания органов управления волжскими калмыками, максимально приближенных к общеимперским.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/10-3/9.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 10 (60): в 3-х ч. Ч. III. С. 38-42. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/10-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

4. **Ветров Д. Н.** Предупреждение хищений при использовании пластиковых денег в современных банковских системах (криминологические проблемы): автореф. дисс. ... к.ю.н. М., 1998. 27 с.
5. **Вехов В. Б.** Особенности расследования преступлений, совершенных с использованием пластиковых карт и их реквизитов. Волгоград, 2004. 280 с.
6. **Дикова Н. В.** Особенности расследования преступлений, совершенных с использованием электронных платежных средств и систем: автореф. дисс. ... к.ю.н. Воронеж, 2011. 23 с.
7. **Иконников Д. Н.** Предупреждение хищений в банковской сфере: автореф. дисс. ... к.ю.н. М., 2012. 28 с.
8. **Карданов Р. Р., Отаров А. А.** Судебно-криминалистическая экспертология: курс лекций. Нальчик: СКИ (ф) КрУ МВД России, 2009. 119 с.
9. **Урумов А. В.** Правовая категория «законность» // Государство, право и управление: мат-лы IV Всероссийской науч.-практ. конф. (23 апреля 2004 г.). М.: Изд-во ГУУ, 2004. Вып. 2. С. 190-194.
10. **Филиппов М. Н.** Особенности расследования краж и мошенничеств, совершаемых с использованием банковских карт и их реквизитов: монография. М.: Юрлитинформ, 2014. 160 с.
11. **Шхагапсоев З. Л., Тарчоков Б. А.** Современные контуры системы противодействия различным проявлениям терроризма: учеб. пособие. Нальчик: СКИ (ф) КрУ МВД России, 2012. 136 с.

SPECIFICS OF QUESTIONING WHILE INVESTIGATING CRIMES COMMITTED USING BANK DEBIT CARDS

Buraeva Lyudmila Aleksandrovna, Ph. D. in Physical-Mathematical Sciences
North-Caucasian Institute of Further Training (Branch)
of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
luda_n1@mail.ru

The article covers the relevant problems of conducting investigative actions on the crimes committed using bank debit cards, in particular, questioning. The author analyzes in detail the peculiarities of the preparatory actions of the investigator and his/her choice of tactics on questioning the employees of the bank, the victim (the card holder), the suspect (accused), which will help investigative officers to efficiently organize the investigation of the mentioned type of crimes.

Key words and phrases: bank debit card; bank; questioning; investigation; theft of funds; crimes committed using debit cards; bank card holder; suspect.

УДК 94(47)

Исторические науки и археология

В статье рассмотрен завершающий этап формирования административной системы в Волжской Калмыкии. На основе анализа законодательства Российской империи прослежена динамика трансформации традиционных институтов калмыцкого управления. Отмечено влияние главной краевой администрации на региональную политику имперского правительства. Показаны процессы социальной и административно-политической ассимиляции региона, создания органов управления волжскими калмыками, максимально приближенных к общеимперским.

Ключевые слова и фразы: ойраты; Волжская Калмыкия; история России; административная политика; система управления.

Васильев Дмитрий Валентинович, к.и.н., доцент

Институт государственного управления, права и инновационных технологий
dvvasiliev@mail.ru

КАЛМЫЦКОЕ ХАНСТВО В АДМИНИСТРАТИВНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (СЕРЕДИНА XVIII – СЕРЕДИНА XIX В.)[©]

Правление наместника Калмыцкого ханства, а позднее и хана, Дондук-Даши (1741-1761) характеризуется не только стабилизацией, экономическим и политическим развитием Калмыкии, но и усилением вмешательства царских властей во внутреннюю жизнь ханства. Если прежде царские воеводы выполняли посредническую функцию между калмыцкими правителями и российской столицей, то с начала XVIII столетия губернаторы и правительственные уполномоченные при ханах (подкрепленные военным отрядом) ограничивали их самостоятельность, вмешивались в их внутренние дела, фактически стали надзорной инстанцией в степи.

Вслед за назначением Дондук-Даши наместником хана в Астрахань прибыл новый губернатор В. Н. Татищев в сопровождении тысячного казачьего отряда, предназначенного для военного решения внутренних проблем на калмыцких землях. Центр тяжести местного управления сместился в Астрахань. Несмотря на то, что общее руководство калмыцкими делами осталось в ведении Коллегии иностранных дел (КИД), вопросы местного управления калмыками перешли в руки астраханского губернатора.

Хотя правительство предприняло некоторые шаги по укреплению власти наместника, ханом Дондук-Даши был провозглашен лишь в 1758 г. Одновременно было объявлено о том, что его сын Убаши назначается наместником (наследником) ханства [4, с. 125]. С его смертью, как и ожидалось, власть перешла к Убаши, который был утвержден наместником в 1762 г.

До начала екатерининской эпохи калмыки (как джунгарские, так и волжские) управлялись ханом через коллегиальный орган Зарго, генетически связанный с советом калмыцких владельцев при главном тайше. Зарго, обладавший судебными и исполнительными полномочиями, формировался ханом из восьми приближенных к нему лиц, представлявших владельцев только ханского улуса. Он являлся и совещательным органом, который рассматривал, например, принципиальный вопрос для калмыков – распределение пастбищ. Такие решения утверждались ханом как председателем Зарго.

По изданному в 1762 г. «Положению о Зарго» этот орган из ханского фактически превратился в коллегиальное государственное учреждение Калмыцкого ханства довольно высокого статуса. Высшей инстанцией для него была не только КИД, но и сама императрица. Количественный состав Зарго остался прежним. Изменился принцип его комплектования. Теперь в него должны были входить заседатели – советники калмыцкого народного суда: три зайсанга от улусов наместника; одно духовное лицо или зайсанг, представлявший местное духовенство; по одному представителю от цохуров, табун-отоков, от дербетовских и хошутовских улусов. Все члены Зарго избирались жребием из числа зайсангов улуса и являлись равноправными. Выборы председателя должны были осуществляться с участием ханского наместника из числа старшего по возрасту или по должности. В состав Зарго вводился и царский уполномоченный (пристав) по калмыцким делам.

Таким шагом российское правительство активно и глубоко внедрялось в сферу прежней компетенции хана, заметно ее ограничив, включало Калмыкию в состав общегосударственного аппарата. Сам же глава Калмыцкого ханства на деле обретал статус главы местной административной единицы. Такой правительственный подход был созвучен общеимперской политике административной унификации, предусматривавшей последовательную ликвидацию автономий, централизации и бюрократизации управления.

Спустя чуть более 9 месяцев после исхода калмыков, 19 октября 1771 г., императрица издала указ, упразднявший Калмыцкое ханство и уничтоживший его организационную структуру [1, с. 37]. Было признано целесообразным осуществлять управление калмыцкими улусами непосредственно через их владельцев [2, с. 435]. Потеряв свой обособленный статус, Калмыкия стала частью Астраханской губернии. Существовавший особый российский орган для управления калмыками «Калмыцкие дела» был заменен новой губернской канцелярией по экспедиции калмыцких дел, возглавлявшейся лично губернатором. Звания ханов и наместников упразднились. Улусы, в которые губернатор стал назначать приставов, наделенных полицейской и исполнительной властью, были приравнены к уездам. Зарго потерял свое административное значение и был преобразован исключительно в судебный орган (аналог верхнего земского суда) под контролем местной администрации [2, с. 435; 3, с. 56].

Власть приступила к формированию новой политической карты Калмыкии. Некогда крупные улусы стали дробиться на отдельные самостоятельные части. Появился разряд улусов казенных. К ним были отнесены улусы, оставшиеся без наследного владельца. Во главе ставились пожизненные правители из числа родственников бывшего владельца или местных зайсангов. Новый тип улусов выпадал из традиционной системы административно-властных отношений в калмыцком обществе, вызывал непонимание и отторжение, воспринимался как посягательство на традиционный уклад.

Вслед за учреждением Кавказского наместничества генерал-губернатор П. С. Потемкин, в главное ведение которого попали калмыки, в 1786 г. упразднил Зарго и преобразовал губернскую канцелярию по экспедиции калмыцких дел в Калмыцкую войсковую канцелярию, которая, кроме организации военной службы, стала ведать административно-полицейскими, хозяйственными и фискальными вопросами. В нее, кроме бывшего руководителя Калмыцкой экспедиции, вошли 3 нойона и 3 зайсанга в качестве заседателей. Спустя два года (1788) преемником Потемкина статским советником Л. С. Алексеевым этот орган, с исключением военных функций, был преобразован в Калмыцкую канцелярию под непосредственным началом астраханского губернатора. Число заседателей от калмыцкой знати было сокращено вдвое, зато добавлен один заседатель из российских чиновников.

После упразднения наместничества и выделения из него Астраханской губернии (1796) Калмыцкая канцелярия в 1797 г. была преобразована в просуществовавшее до августа 1800 г. Калмыцкое правление для улусов торгутов, дербетов и хошутов. Одновременно произошло отделение Большедербетовского улуса, получившего свое особое Правление [5, с. 568].

Итак, достичь административной интеграции калмыков в российскую систему управления в скором времени не удалось. В первую очередь, как представляется, из-за цивилизационных различий между двумя социумами [2, с. 463-464]. Возможно, именно поэтому Павел I вернулся к идее восстановления внутреннего калмыцкого административного центра.

Высочайшей грамотой от 14 октября 1800 г. он объединил калмыков и восстановил их прежнюю автономию как в административном (назначил наместником ханства Чучея Тундутова), так и в территориальном отношении (соединил их старые кочевья) [6, с. 340-341]. Калмыцкое правление было ликвидировано, и восстановлен Зарго, которому вернули административные функции. Членами Зарго вновь стали восемь представителей калмыцких улусов вместе с царским чиновником. В своей практике Зарго должен был руководствоваться как имперскими узаконениями, так и калмыцкими законами и нормами обычного права.

Преемник Павла император Александр I несколько развил идеи, заложенные его отцом. Указом от 26 октября 1801 г. он подтвердил подведомственность калмыцкого управления КИД, а в экстренных случаях – астраханскому военному губернатору. В штат калмыцкой администрации вводилась должность главного

пристава с подчиненными ему частными приставами в улусах [Там же, с. 808-809]. Являясь представителем центральной власти, главный пристав получил право участвовать в управлении Калмыкией и защищать интересы калмыцкого народа.

Фактически автономия калмыков стала формальной. Новый наместник был лишен реальной власти, какой обладали его предшественники. Смерть Чучея в 1803 г. сделала главного пристава единственным представителем интересов калмыцкого народа перед имперским правительством. Должность калмыцкого наместника было решено ликвидировать, что практически означало возврат к улусной системе управления Калмыкией (через нойонов и зайсангов). Параллельно шло сокращение полномочий Зарго [4, с. 160]. По императорскому указу от 14 марта 1816 г. главный калмыцкий пристав оказался в подчинении сразу двух центральных ведомств – КИД и Министерства внутренних дел (МВД) [7, с. 555-556]. Фактически, дрейфуя в сторону ординарного территориального и административного устройства, калмыцкая автономия сокращалась все больше и больше.

10 марта 1825 г. были приняты «Правила для управления калмыцкого народа» [8, с. 155-161], согласно которым Калмыкия официально получала статус области в составе Астраханской губернии и четырехуровневое членение управления на главное, областное, окружное и улусное. Фактически это означало приравнивание Калмыкии к другим частям империи, имевшим в силу разного рода причин особенное, отличное от общегосударственного, управление.

Центральным органом управления для Калмыцкой области, как и для всех внутренних территорий России, стало МВД. Старшим должностным лицом в области становился главный пристав, который назначался и увольнялся со своей должности министром внутренних дел по представлению главноуправляющего Кавказским краем. В полицейском, судебном и военном отношениях главный пристав подчинялся главноуправляющему, а по гражданским делам состоял в ведении астраханского губернатора.

Так как Калмыцкая область в административно-территориальном отношении входила в состав Астраханской губернии, то учреждавшийся коллегиальный орган управления, Астраханская комиссия калмыцких дел, должен был функционировать под руководством астраханского губернатора. В состав Комиссии входили вице-губернатор, главный пристав, губернский прокурор, а также по одному представителю от владельцев улусов и от калмыцкого дворянства. К ведению Комиссии как исполнительно-распорядительного органа были отнесены административные, финансовые, налоговые и хозяйственные вопросы. Кроме того, обладая высшей судебной юрисдикцией на территории области, она надзирала за работой Зарго как окружного суда, была для него кассационной инстанцией по искам на сумму свыше 400 рублей, а также разбирала жалобы зайсангов на решения Зарго по вопросам управления аймаками и по разделу владений.

Согласно «Правилам для управления калмыцкого народа» впервые учреждались улусные управления во главе с владельцами во владельческих округах и правителями – в казенных. На улусные управления возлагалось обеспечение порядка и разбор незначительных проступков и преступлений гражданского характера. Выше отмечалось, что представителями главного пристава в улусах были приставы частные. Они также входили в состав улусных управлений и выполняли административные, полицейские и судебные функции.

Члены суда Зарго избирались на три года и утверждались Комиссией калмыцких дел. По отношению к улусным судам Зарго являлся высшей апелляционной инстанцией. Фактически же это учреждение функционировало под контролем помощника главного пристава, а потому было зависимо от исполнительной власти. Как и прежде, судопроизводство по делам калмыков осуществлялось в соответствии с обычным правом и калмыцкими законами.

Оскорбления личности, а также гражданские иски до 200 рублей и те дела, в ходе которых тяжущиеся стороны не высказывали претензий к суду или друг к другу, разбирались всесловными улусными судами, ежегодно избиравшимися из числа зайсангов и почетных калмыков.

Очередное изменение субъектного статуса и преобразование административной системы Калмыкии было осуществлено в период правления императора Николая I. 24 ноября 1834 г. было утверждено принятое Государственным советом «Положение об управлении калмыцким народом» [9, с. 18-40]. Новый закон выделял Калмыцкую область в самостоятельную административно-территориальную единицу, подведомственную МВД. Вся полнота власти в области вверялась астраханскому военному губернатору как представителю министерства. Ему подчинялся главный попечитель калмыцкого народа, возглавлявший Совет управления калмыцким народом (позднее – Совет астраханского калмыцкого управления) и руководивший улусными управлениями. Главный попечитель (как любой другой губернатор) назначался императором по представлению министра внутренних дел. Штат управления (попечительской службы) состоял из 10 человек на областном уровне и 22 чиновников в улусах. Полномочия и статус главного попечителя превосходили таковые у прежнего главного пристава. Положение возлагало на него надзор за обеспечением общественной безопасности, сбором налогов и исполнением повинностей, контроль за работой всех учреждений и должностных лиц в области (в т.ч. духовных). Он, как и улусные попечители, осуществлял надзор за деятельностью судов и должен был обеспечивать представление интересов калмыков по уголовным делам, разбиравшимся в российских присутственных местах. Подчиненные главного попечителя занимались в основном решением хозяйственных (земских) вопросов – развитием местной экономики, здравоохранения, обеспечения населения продовольствием в форс-мажорных обстоятельствах.

Областной коллегиальный орган – Совет калмыцкого управления – был организован на обычных для подобных учреждений основаниях. В состав Совета под председательством главного попечителя входили два его заместителя по назначению МВД, секретарь и казначей, назначавшиеся астраханским военным губернатором, а также избиравшиеся на три года ассессор (из нойонов) и два заседателя (из зайсангов). Избираемые члены Совета утверждались военным губернатором. На Совет возлагалось решение финансовых, фискальных и хозяйственных вопросов, развитие торговли, контроль работы улусных учреждений, участие в определении количества и кандидатур духовных лиц.

Суд Зарго, фактически приравненный к губернской палате уголовного и гражданского суда, признавался высшим судебным органом области и рассматривал уголовные, гражданские и семейные дела. Столь высокий статус объясняет и изменения в его составе по сравнению с предыдущим временем. В Зарго теперь должны были войти назначавшийся императором председатель, два советника от Министерства юстиции, а также избиравшиеся из нойонов на три года и утверждавшиеся астраханским военным губернатором два асессора. Решения суда Зарго по исковым и гражданским делам могли обжаловаться в Сенате, а по уголовным должны были утверждаться военным губернатором. Как и прежде, Зарго руководствовался обычным правом и калмыцкими законами 1640 и 1758 гг.

Положение 1834 г. делило Калмыкию на 7 улусов (5 владельческих и 2 казенных). А они, в свою очередь, на аймаки и далее – на хотоны (10-15 кибиток), которые впервые получали свои органы управления. Улусная администрация состояла по-прежнему из нойонов (владельцев) или правителей, улусных судов и улусных попечителей с помощниками. Аймаки управлялись зайсангами, а хотоны – избираемыми из благонадежных калмыков старшинами.

Правители казенных улусов избирались на три года советом безулусных нойонов и почетных зайсангов в каждом из двух казенных улусов и утверждались астраханским военным губернатором с ведома Министерства иностранных дел. Владельцы и правители, как и прежде, несли ответственность за внутреннюю безопасность в улусах, регулярность и полноту уплаты местными жителями налогов.

Улусные суды по-прежнему оставались судебными органами первой инстанции и состояли из владельца или правителя улуса в ранге председателя, улусного попечителя как его помощника и двух заседателей, избиравшихся из зайсангов и утверждавшихся астраханским военным губернатором. Все процессуальные действия совершались на русском языке с переводом на калмыцкий. Подчинялись улусные суды Совету калмыцкого управления.

Фактически не претерпел изменений круг ответственности улусных попечителей. Они подчинялись непосредственно главному попечителю, по судебной части – Совету калмыцкого управления, а по вопросам общественной безопасности – астраханскому военному губернатору.

В ходе реализации реформы управления государственными крестьянами в 1838 г. обязанности главного попечителя калмыцкого народа были возложены на управляющего астраханской палатой государственных имуществ, т.е. фактически оставаясь в ведении МВД, высшее управление Калмыкией перешло к Министерству государственных имуществ (МГИ) [4, с. 187; 10, с. 407].

Проблема двоевластия была разрешена утвержденным в 1847 г. «Положением об управлении калмыцким народом» [11, с. 349-372], которое завершило череду административных реформ Калмыкии. Регион оставался в ведении МГИ, и лишь решение некоторых вопросов было связано с МВД и астраханским военным губернатором.

Хотя закон и сохранял статус Калмыкии как области, но при этом значительно понижал его, включая калмыцкую администрацию в общую систему управления Астраханской губернии. Прежний Совет астраханского калмыцкого управления уступал место Отделению по делам калмыцкого народа (Ордынскому отделению) в составе палаты государственных имуществ. При этом кроме российских чиновников (советника, чиновника по особым поручениям, двух столоначальников и двух их помощников, делопроизводителя, бухгалтера, писцов) в него входил один калмыцкий депутат, избиравшийся на три года владельцами и родовыми зайсангами и утверждавшийся министром государственных имуществ по соглашению с военным губернатором. Когда в 1848 г. был ликвидирован областной суд Зарго [12, с. 8], депутат стал представлять интересы калмыков в Астраханской палате уголовного и гражданского суда.

Положение 1847 г. значительно расширило прерогативы главного попечителя калмыцкого народа. Теперь он мог созывать улусные сходы, назначать и увольнять с должности правителей улусов и даже отстранять от управления нойонов-владельцев. Сохранялась структура местной администрации, которая в улусе была представлена улусным управлением, в аймаке – родовым зайсангом или аймачным старшиной, в хотоне – старостой.

После упразднения в 1848 г. суда Зарго и передачи функций высшего судебного органа для калмыков Астраханской палате уголовного и гражданского суда внутри Калмыкии остались улусные Зарго в качестве первой судебной инстанции с правами сословного суда. Выносившиеся Зарго приговоры по гражданским делам должны были соответствовать судебным уставам для государственных крестьян, а по уголовным – общеимперскому законодательству.

Новшеством Положения 1847 г. стало учреждение органов местного самоуправления на улусном и аймачном уровнях – сходов. И именно это обстоятельство, на наш взгляд, наглядно демонстрировало приближение калмыцкой администрации к системе управления государственных крестьян.

Во главе аймака по-прежнему оставался наследственный зайсанг, который утверждался военным губернатором. А там, где не было родовых зайсангов, аймачный сход избирал старшину из безаймачных зайсангов, а также на трехлетний период хотонных старост из среды простых калмыков. Новоизбранные старосты утверждались губернской палатой государственных имуществ.

Положение 1847 г. чрезвычайно сократило калмыцкую автономию, фактически включив Калмыкию в ординарную административно-территориальную систему, но сохранило при этом определенную этносоциальную и культурную специфику региона. Никаких иллюзий не оставляет сохранение определенных элементов представительства – они были незначительными и практически полностью подконтрольными царской администрации. Учреждение институтов местного самоуправления ни в коей мере не имело политической окраски. Так же как и у государственных крестьян империи, они способствовали упрощению администрирования

и улучшению фискальной составляющей калмыцко-российских отношений. Унификация калмыцкого управления, распространение на регион общеимперских административных норм, приближение положения местного населения к государственным крестьянам остальной России, последовательность размывания калмыцкой автономии весьма явно свидетельствуют о том, что процесс интеграции калмыков в Россию завершился. Тенденция приобрела необратимый характер. Грань между калмыцким управлением и общероссийской административной системой, с одной стороны, между калмыками и другими подданными империи (как привилегированных, так и податных сословий) стиралась бесповоротно.

Список литературы

1. **Горяев М. С.** Вовлечение Калмыкии в общественно-экономическую систему Российской империи (последняя треть XVIII – конец XIX века). Элиста: ЗАОР «НПП Джангар», 2013. 223 с.
2. **История Калмыкии с древнейших времен до наших дней:** в 3-х т. Элиста: Издательский дом «Герел», 2009. Т. 1. 846 с.
3. **Команджаев Е. А.** Административная система Калмыкии в XVIII-XIX вв. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2009. 99 с.
4. **Максимов К. Н.** Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII-XX вв.). М.: Наука, 2002. 524 с.
5. **Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ).** СПб., 1830. Собр. 1-е. Т. XXV. 1798-1799.
6. **ПСЗРИ.** СПб., 1830. Собр. 1-е. Т. XXVI. 1800-1801.
7. **ПСЗРИ.** СПб., 1830. Собр. 1-е. Т. XXXIII. 1815-1816.
8. **ПСЗРИ.** СПб., 1830. Собр. 1-е. Т. XL. 1825.
9. **ПСЗРИ.** СПб., 1836. Собр. 2-е. Т. X. 1835. Отд. 2-е. Прибавление к т. IX.
10. **ПСЗРИ.** СПб., 1839. Собр. 2-е. Т. XIII. 1838. Отд. 1-е.
11. **ПСЗРИ.** СПб., 1848. Собр. 2-е. Т. XXII. 1847. Отд. 1-е.
12. **ПСЗРИ.** СПб., 1850. Собр. 2-е. Т. XXIV. 1849. Отд. 1-е.

**KALMYK KHANATE IN ADMINISTRATIVE AND POLITICAL SYSTEM OF THE RUSSIAN EMPIRE
(THE MIDDLE OF THE XVIII – THE MIDDLE OF THE XIX CENTURY)**

Vasil'ev Dmitrii Valentinovich, Ph. D. in History, Associate Professor
Institute of Public Administration, Law and Innovative Technologies
dvvasiliev@mail.ru

The article examines the final stage of administrative system formation in Volga Kalmykia. Relying on the analysis of the legislation of the Russian Empire the author explores the dynamics of the transformation of the traditional institutions of Kalmyk administration. The paper mentions the influence of the chief territory administration on the imperial government regional policy, describes the processes of the social and administrative-political assimilation of the region, the formation of administrative bodies closely approximated to all-imperial ones by the Volga Kalmyks.

Key words and phrases: the Oirats; Volga Kalmykia; history of Russia; administrative policy; management system.

УДК 130.122; 17.021.2

Философские науки

В статье раскрываются особенности влияния инновационной социальной среды на формирование новых качеств личности; выделены основные антропологические противоречия, обусловленные информатизацией современного социума и отражающие изменение характера взаимодействий человека с обществом, природой, техникой. Дан анализ пяти видов противоречий: техногенного, коммуникативного, когнитивного, универсально-индивидуализирующего, нравственно-поведенческого. Определены негативные следствия разветвления указанных противоречий.

Ключевые слова и фразы: информационное общество; формирование личности; ценности; антропологические противоречия; парадоксы существования человека; коммуникация; стандартизация сознания; автономность личности.

Гаранина Ольга Денисовна, д. филос. н., профессор
Московский государственный технический университет гражданской авиации
odgar@mail.ru

**ПРОТИВОРЕЧИЯ И ПАРАДОКСЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА
В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ[®]**

Социально-политические изменения в российском обществе, масштабные сдвиги в экономической сфере, экспансия информационных технологий, активное инкорпорирование человека в динамичную социокультурную среду – всё это воздействует на духовный мир и поведенческие структуры личности, предъявляет новые